

УДК 82.09:27

DOI: 10.26456/vtfilol/2021.1.019

**РОЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ
(НА ПРИМЕРЕ «ТОЙОТА-КРЕСТА» М. А. ТАРКОВСКОГО)**

И. А. Казанцева

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В статье рассмотрен один из путей развития жанра классического романа на примере «Тойоты-Кресты» М.А. Тарковского. Доказывается, что специфика романа в строгой иерархии трех планов: природного, литературного, религиозного. Христианская аксиология определяет наличие «идиллической ситуации», взаимодействие фольклорных и православно-христианских образов, литературный контекст и стилевое своеобразие.

Ключевые слова: *идиллия, пейзаж, роман, русская литература, христианская традиция.*

В рамках исследования христианской традиции в современном русском романе, начатого анализом модификации жанра на примере «Свечки» В. А. Залотухи [3], «Тойота-Креста» М. А. Тарковского предстает как путь наиболее прямого ее воплощения, выраженного в актуализации религиозной доминанты на всех уровнях произведения. Напутствуя молодых писателей после получения Патриаршей премии, писатель советует учиться мастерству не у современных авторов, но «с такой безоглядностью погрузиться в русское многовековое наследие, чтобы церковно-славянский шрифт ночами снился, а сердце стучало в ритме “Слова о полку Игореве”. Чтобы Пушкин под подушкой лежал и затекал в расслабленную душу, чтоб она, освобождённая от дневного гнёта, втягивала свободно его завет, чтоб слух отточился до звона, корбило от малейшей дурновкусинки, чтоб чтение из “Читай-города” вмиг стало водянистым, одинаковым, бессильно лепечущем на языке суетного мира сего. Никогда не писать на языке мира сего – только на языке Гоголя, Толстого, Бунина, Шмелёва, Астафьева, Шипова (ибо он там). <...> Сместить норму-эталон в девятнадцатый век. Использовать всё красоту и насыщенность русского языка. Ощутить жизнь и историю каждого слова. Стоять по горло в России» [6].

Творческое кредо М. А. Тарковского образуют важнейшие составляющие художественного метода. Они усвоены благодаря определяющему влиянию на его судьбу бабушки Марии Ивановны Вишняковой, которая «заложила во мне основы, открыв три двери: в русскую природу»

© Казанцева И. А., 2021

ду, в русскую литературу, в Православный храм...» [4]. Обозначенные направления иллюстрируют своеобразие романа М. А. Тарковского и одну из ведущих тенденций в сохранении «большого нарратива» в информационную эпоху. Они указывают на иерархию ценностей писателя и ступени «возрастания» души главного героя романа Евгения Барковца. Дистанция между автором и его главным героем демонстрирует усиление роли документального начала, свойственное современной художественной прозе. Об этом свидетельствуют не только автобиографические эпизоды, использованные в сюжете романа, но и характер взаимодействия прозаического и стихотворного текста в ткани произведения. В романной концепции мира и человека последовательно прослеживается иерархия природного, литературного и религиозно-православного планов.

Природный «пласт» романа выражается в своеобразии идиллической интонации, развиваемой М. А. Тарковским в единстве-преодолении почвеннической традиции русской литературы 60–80-х гг. XX в. Н. А. Вальянов справедливо отмечает, что «с хронотопом деревни у М. Тарковского связана поэтика “ушедшего времени”, потерянной идиллии – это хронотоп национального прошлого» [2, с. 10]. Принимая идею Н. А. Вальянова о переходе от кризисного к идиллическому хронотопу на позднем этапе творчества писателя, трудно согласиться с его пантеистической концепцией природы, данной исследователем: «Идиллическим топосом становится первозданная тайга как хранительница сокровенных тайн, высшего смысла человеческого бытия, как пространство, граничащее с Богом» [Там же, с. 22]. Русская природа не уравнена с Богом в правах как сопредельное независимое пространство, поскольку им сотворена. Во взаимодействии фольклорных и христианских образов в романе М. А. Тарковского иерархия всегда очевидна, она определена теоцентрической концепцией мира. «Природа – это могучий образ красоты. Один из её ликов – горная тайга. У меня, помню, от самого этого словосочетания мураши побежали. <...>. Для меня природа, пожалуй, в двух ипостасях, промысловая, где ты как хозяин в стайке, где всё в традиции, в труде, в знании, и монастырская, когда ты как монах в келье – на ладони у Бога. Где озарённая одиночеством душа и себя, и мир познаёт. Ну, а источник вдохновения природа – неоспоримо. И восхищения. И поддержки. Хотя при этом природа без человека – во всех смыслах пустое место. Да и на земном шаре бесчисленное количество красивых побережий, гор и рек. И что дальше? <...>. Восхитительно прикинуть к стволу листвени, испить из горного ключа, или смотреть на облака, ползущие по склону, поросшему стройным кедром. Это свято, это не обсуждается... Это Божья прибавка ко всему прекрасному, что есть в жизни», – говорит М. А. Тарковский [6]. Как видим, тайга, естественное существование человека в гармонии с природой лишь следствие такого устройства мира, к которому

красота природы становится «прибавкой», что безусловно воплощается в романе. Природное гармонизируется литературным контекстом романа и углубляется проращением в корневую православную традицию, настолько значимую для концепции героя, что нежелание понять данную основу национального характера, становится причиной разрыва Евгения и его брата Андрея с Машей и Григорием Григорьевичем. Христианское мировоззрение главного героя романа объясняет преодоление идиллической интонации по ушедшему «золотому веку», навсегда оставшемуся в прошлом и окрашивающему настоящее печалью и безысходностью. В романе обнаруживается «“идиллическая ситуация” (В.Э. Вацуро)», которая «часто сопутствует произведению, не имеющему жанрового определения “идиллия” и не создающему идиллический характер» [1, с. 10].

Композиционная организация «Тойоты-Кресты» (от «Кедра» к «Кресту» и «Распилю») реализует теоцентрическую концепцию мира, дополняется сквозными многослойно-символическими природными образами, подчиненными ритму духовного строя героев: «В углу стен косо чернел силуэт кедра с обломанным стволом и живым боковым отвилком. Погибший ствол был как отрезан по границе стены, а боковой отстенок уцелел над монастырской землей и темнел живописно и густо» [7, с. 34]. Обобщение достигается за счет семантической нагрузки ключевых слов романа. Например, семантический ряд образа «батюшки» воплощает иерархию ценностей: от природы к литературе и к православию. В финале первой части романа в момент душевного кризиса главного героя Настя советует: «Тебе бы к батюшке» [Там же, с. 19]. Начало следующих двух глав в порядке «возрастания» ценности: «Я пошел к Батюшке Енисею» [Там же]. «Ранним утром ходил в монастырь <...>. Виски у отца Севастьяна (настоятеля монастыря. – *И.К.*) были прозрачными, как енисейская вода, а глаза видели насквозь» [Там же]. Синтез фольклорной и христианской традиций дан и в семантическом многообразии образа «батюшки», и в объединяющем природном сравнении с доминированием ценностей христианина, пришедшего к зрящему в корень беды священнику.

В подобной роли предстает пейзаж с центральным образом батюшки Енисея в очерках и других художественных произведениях М. А. Тарковского. В романе «Тойота-Креста» в сильной позиции заглавия произведения, центральной 2 главы («Крест»), в сквозной символике креста (потеря креста главным героем Евгением Барковцом во время душевной смуты, в народной песне, в акцентировании основной детали крестьянского дома – матице) звучит гимн традиции, исторической роли христианства в формировании национальной картины мира. В прославлении языка как фактора культурной общности М. А. Тарковский обращается к его церковно-славянской основе, хранимой церковью. «Особенно трогало его чтение молитв на церковно-славянском, уже казавшимся главным, ос-

новным языком по сравнению с варварски выправленным спрямленным современным. Необыкновенной красоты графика, буквы, с такой любовью и нежностью восставшие вдруг в сердце и будто там пребывавшие. Поражало, что четыреста лет назад кто-то также произносил эти слова, и они звучали с той же негибимой неизменностью, и его кровинушка уже тогда существовала, участвовала в жизни – там, в шестидесятиградусных зимах, в многовековом морозном море. <...>. Читая даже незнакомый текст на старославянском, он ловил и угадывал течения и уже предчувствовал смысл – как проходишь на моторе по незнакомым порогам, не зная фарватера, но умея понимать реку. И как по родной дороге, двигался он в то унынии и невнимании, то в благодати, и добирал смысл слова, испытывая, привыкая, подпуская ближе и ближе» [Там же, с. 325]. Преемственность и родственность воплощены в символике монастырей Енисейска и Москвы, названных братьями.

Письмо Насти к старшему брату главного героя Василию Михайловичу написано стилем, соответствующим глубине внутреннего мира героини. Для нее общение со святыми – реальность духовной жизни, дарящей надежду на спасение. Старшему брату она передает икону его покровителя святого мученика Василия Мангазейского. Среднему брату Евгению напоминает батюшка Енисей: «Вот тут Настя с Енисейска кричит: Святых Отцов пусть читает! А они как говорят? Не тщись, человек, изменить судьбы Божия на земле – думай о спасении своей души...» [Там же, с. 391]. В интервью с М. Бойковой М. А. Тарковский сформулировал представление о традиции: «И еще в литературе очень важна зримость и национальная глубина характера, узнаваемость героев. Если кто-то произносит “современная книга”, я думаю, с ним бесполезно продолжать разговор, поскольку в этом слове заложена идея нарушения преемственности русской литературы» [5, с. 45]. В третьей части романа «Тойота-Креста» «Распильш» происходит перенос значения слова с реалий дальневосточного бизнеса на состояние русского человека постсоветского времени. Преодоление разорванности («так и не сшил я ни куски своей жизни, ни лоскуты земли родной» [7, с. 388]) возможно в диалоге с традицией.

У М. А. Тарковского матица из дохристианского устройства крестьянского дома (в глубинном своем значении синонимична слову «корень») привносит смысловые акценты в отражение мироощущения современного человека, в котором автор видит то, «как русская душа приняла и допроявила учение Христа» [7, с. 326]. Когда Женя, «выходя из ворот монастыря вьюжным утром, допроявлял его своим кедром со сломанной вершиной и дивился, как уже и на улице доверчиво освоюсь, длятся в душе напевные икосы Акафиста: “Радуйся, яко безумнии глумителие над тайнами веры тобою посрамляются”» [Там же, с. 326], через эту радость чувствует себя частью национального мира. Характеристика, данная На-

стей людям, принимающим общество потребления, проходит по линии ценностной оси: «Они ничего не хотят сделать для этой Земли, они ничему не учатся ни у нее, ни тем более у неба, а только кормятся с руки у таких же, как они, и чувствуют себя прекрасно. Ты другой. Но даже ты как-то сказал: какое облегчение знать, что твоя душа бессмертна... Меня поразила твоя наивность. На самом деле это такая ответственность» [Там же, с. 121]. Становление души главного героя через ступени природного, литературного, религиозного познания «выстраивает» сюжетное развитие, пространственно-временную организацию.

Дистанция между автором и главным героем минимизирована за счет включения в текст романа лирики, интертекстуальных связей с русской классической и современной поэзией, посвящений и эпитафий отдельных глав. Центральный мотив поэтического цикла из семи стихотворений, открывающих самую трагическую третью главу романа, – обращение лирического героя к Евгению Барковцу: «Я твой напарник. Я вернулся тебя сменить» [Там же, с. 224]. Единение дает надежду на возрождение и видится в языке и литературе как основе христианского ядра культуры. У русской литературы, по М. А. Тарковскому, «есть три главных признака, критерия. <...> Я считаю, что это религиозность, народность и благородство интонации» [5, с. 45].

Итак, природа и литература включены М. А. Тарковским в христианскую аксиологическую картину мира, современный герой романа призван собрать в себе и в других «лоскуты» жизни в общее пространство, где «горят свечки... как стебли светящиеся, прозрачные и чистые, как сердца этих подвижников, аки воск мягкие и податливые в своем послушании. И очищают своим пламенем тяжкий наш воздух, нашу тьму безбожную, и пламя покачивается, и потрескивают свечки...» [7, с. 412]. Перспективы современного романа в глубоком следовании традиции русских классических образцов жанра с предельной этической заостренностью, христианской доминантой, данной не в архаическом или мифологическом измерении, но как реальность многовекового национального опыта выживания.

Список литературы

1. Быченкова С. В. Жанр идиллии в русской романтической поэзии первой трети XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / С. В. Быченкова ; Владимирский гос. ун-т. Владимир, 2006. 19 с.
2. Вальянов Н. А. Художественный мир М. А. Тарковского: пространство, время, герой : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Н. А. Вальянов ; Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2018. 24 с.
3. Казанцева И. А. Диалог традиций в современном романе (на примере романа «Свечка» В. А. Залотухи) // Вестник Тверского государственного универ-

- ситета. Серия: Филология. 2020. № 1. С. 47–52.
4. Тарковский М. А. Бабушкин внук [Электронный ресурс] // Роман-газета. 2018. № 7. URL: <http://журнальныймир.рф/content/babushkin-vnuk> (дата обращения: 12.12.2020).
 5. Тарковский – о главных признаках русской литературы: интервью М. Бойковой с М. А. Тарковским // Читаем вместе. 2019. № 12. С. 45.
 6. Тарковский М. А. «Стоять по горло в России...»: интервью С. Арутюнова с М. Тарковским [Электронный ресурс] // Дон. 2019. № 4–6. URL: <http://журнальныймир.рф/content/mihail-tarkovskiy-stoyat-po-gorlo-v-rossii> (дата обращения: 1.12.2020).
 7. Тарковский М. А. Тойота-Креста. М.: Эксмо, 2016. 416 с.

**THE ROLE OF THE CHRISTIAN TRADITION
IN THE MODERN NOVEL
(ON THE EXAMPLE
OF “TOYOTA-KRESTA” BY M. A. TARKOVSKY)**

I. A. Kazantseva

Tver State University

Department of Journalism, Advertising and Public Relations

The article considers one of the ways of development of the genre of the classic novel on the example of “Toyota-Kresta” by M. A. Tarkovsky. It is proved that the specificity of the novel is determined by strict hierarchy of three planes: natural, literary, and religious. Christian axiology determines the presence of an “idyllic situation”, the interaction of folklore and Orthodox Christian images, the literary context and stylistic originality.

Keywords: *idyll, landscape, novel, Russian literature, Christian tradition.*

Об авторе:

КАЗАНЦЕВА Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: irina10768@mail.ru.

About the author:

KAZANTSEVA Irina Aleksandrovna – Doctor of Filology, Professor at the Department of Journalism, Advertisement and Public Relations, Tver State University (170100, Tver, Szhelyabov str., 33), e-mail: irina10768@mail.ru.